

ВСЕМИРНОЕ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Идеология и философская мысль

К 200-летию со дня рождения Карла Маркса

**МАРКС И МАРКСИЗМ:
ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА**

В.Н. ШЕВЧЕНКО

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматривается актуальность вопроса об отношениях между Марксом и марксизмом и три варианта ответа на этот вопрос, которые получили широкое распространение в современной марксистской и марксологической литературе. Подробно рассматривается принципиальная новизна подхода В.И. Ленина, когда он говорит о необходимости перевода материалистической теории истории Маркса на политический уровень как о теоретической проблеме. Важным достижением последних десятилетий следует считать вклад в развитие политической теории марксизма китайских руководителей партии и государства, который находится в неразрывной связи с решением практических задач, с тактикой строительства социализма с китайской спецификой. В заключение говорится о том, что мировая история приобретает ныне все более сложный и неоднозначный характер и вопрос о том, окажутся ли способными философы-марксисты в этой ситуации найти пути реализации 11-го тезиса Маркса о Фейербахе, остается открытым.

Ключевые слова: классический (ортодоксальный) марксизм, ревизионизм, социал-демократия, интеллектуальный марксизм, политическая теория, социализм, капитализм, социализм с китайской спецификой.

Шевченко Владимир Николаевич – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН, Москва, Россия.

vladshevchenko@mail.ru

Цитирование: ШЕВЧЕНКО В.Н. (2018) Маркс и марксизм: взгляд из XXI века // Философские науки. 2018. № 1. С. 7–26. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-1-7-26.

Сегодня много говорят о возвращении к Марксу. Вновь издаются труды Маркса и о Марксе, читаются спецкурсы для студентов во многих зарубежных вузах и гораздо меньше в отечественных. В современном российском обществе существует устойчивый интерес к учению Маркса, особенно в контексте обсуждения альтернатив современному капитализму, в частности, возможности выхода России с марксистской точки зрения за пределы нынешней капиталистической реальности и обретения ею своего национального пути развития в XXI в. Нетрудно, однако, заметить, что в центре внимания находится главным образом философское и политэкономическое наследие Маркса. В связи с этим и возникает вопрос о том, как понимать сегодня идею о возвращении к подлинному Марксу. В мировой и отечественной мысли получили широкое распространение три варианта ответа на этот вопрос.

Первый вариант ответа: подлинный Маркс – это философское учение Маркса минус политическая теория марксизма.

Второй вариант ответа: подлинный Маркс – это философское учение Маркса плюс политическая теория марксизма, разработанная западной (западноевропейской) социал-демократией.

Третий вариант ответа: подлинный Маркс – это философское учение Маркса плюс политическая теория марксизма, разработанная Лениным в процессе подготовки русской революции и в ходе поиска путей развития Советского государства в первые годы его существования.

Главный критерий верности этих трех точек зрения Марксу состоит в том, какая из них удерживает в себе ту его освободительную миссию, о которой, если говорить кратко, идет речь в одиннадцатом тезисе Маркса о Фейербахе. Такой подход дает нам возможность проводить различие между теми, кто сохраняет верность Марксу, и теми, кто является лишь исследователем его текстов (марксоведом) или независимым интерпретатором его учения. Для многих исследователей и разного рода интерпретаторов верность Марксу, революционному духу его учения преднамеренно выносятся за рамки обсуждения. Обычно такого рода ученых называют марксологами, большую и наиболее активную их часть составляют марксологи либеральной ориентации.

Кратко о первом ответе на интересующий нас вопрос. Либеральные марксологи Запада не разделяют конечные цели, которые несет в себе учение Маркса. Они считают, что марксизм как по-

литический подход мертв. Но взгляды Маркса как интеллектуальная установка все еще остаются для них весьма интересными. Никто не возражает против того, что Маркс как философ вполне самостоятелен и что его философские взгляды, их источники и особенно проблема метода действительно заслуживают серьезного к себе отношения. Поэтому в постановке ими вопроса о том, как вернуться к подлинному Марксу, самым важным оказывается возвращение к его историко-философским основаниям.

Французский исследователь М. Рюбель, создатель понятия «марксология» в 50-е гг. XX в., полагает, что «марксизм является самым великим, если не самым трагическим недоразумением столетия... Марксизм сумел лишить концепции социализма и коммунизма того изначального содержания, которое вкладывали в них Маркс и его последователи» [Рюбель 2006, 7, 8]. М. Рюбель выступил с критикой всех современных марксистов – от социал-демократии до ленинизма и троцкизма, которые, по его мнению, противоречат духу и букве учения Маркса. На самом деле, пишет М. Рюбель, Маркс есть теоретик анархизма.

Американский ученый Т. Рокмор в своей работе «Маркс против марксизма» так излагает суть своей позиции: «Прошло время, когда политический марксизм мог расцениваться как философски значимый и когда философские проблемы могли разрешаться политическими деятелями из политических соображений... Необходимо отставить марксизм в сторону и изучать непосредственно произведения Маркса» [Рокмор 2011, 14].

В этой позиции имеется важный идеологический момент. Значит, можно правильно понять, проинтерпретировать Маркса, не будучи последователем его дела, не будучи марксистом. При таком подходе можно сделать Маркса гегельянцем, фейербахианцем или анархистом. Но Маркс создал целостное учение, и поэтому негативный ответ на вопрос, можно ли считать Маркса, к примеру, гегельянцем, предполагает прямое указание на наличие у него основ политической теории, направленной на революционное изменение действительности. 11-й тезис Маркса о Фейербахе остается по-прежнему актуальным.

Теперь относительно второго ответа. Сегодня в российской литературе часто говорят о том, что будь жив Маркс, он «открестился» бы от того, что сделали с его учением те, кто называет себя «марксистами». Да, из письма Ф. Энгельса К. Шмидту известно, что Маркс действительно обмолвился однажды, говоря

о французских «марксистах» конца 70-х гг.: «Я знаю только одно, что я не марксист» [Маркс, Энгельс 37, 370] (1). Российский философ В.М. Межуев опубликовал книгу под таким названием «Маркс против марксизма». Несмотря на то, что он предпослал ему подзаголовок «Статьи на непопулярную тему», на самом деле эта проблема весьма активно обсуждается особенно после того, как многие российские (советские) марксисты после неудачи горбачевской перестройки перешли с революционных марксистских позиций на социал-демократические.

В.М. Межуев пишет о том, что в зрелый период своего творчества Маркс вместе с Энгельсом «пришли к выводу, что при наличии демократических порядков рабочие могут завоевать политическую власть не революционным, а мирным путем – посредством участия в демократических выборах... Поэтому логичным выглядит и тот вывод, который был сделан уже их ближайшими друзьями и соратниками по германской социал-демократии: последней революцией, имеющей хоть какой-то исторический смысл, является буржуазно-демократическая революция, после чего наступает время мирного эволюционного развития. Ленинизм это... чисто российская теория, выдававшая за марксизм традиционную для России апологию, пусть несколько и модернизированного государственного деспотизма» [Межуев 2007, 27]. Одним словом, ленинизм с марксизмом «не имеет ничего общего» [Межуев 2007, 27]. Западноевропейская социал-демократия поступила в свое время правильно, превратив политическую теорию в «реалполитик». Но уступая шаг за шагом постоянному давлению со стороны капитала, социал-демократия сегодня окончательно распрощалась с той философской, теоретической основой, на которую она опиралась при своем возникновении.

Третий ответ в наибольшей степени, на наш взгляд, отвечает сути учения К. Маркса, т.е. классического марксизма, по крайней мере, применительно к XX в. Он состоит в том, что настоящий Маркс – это Маркс плюс политическая теория Ленина. В 70-е гг. XX в. такой ответ предельно четко сформулировал английский ученый П. Андерсон: «Построение системы марксистской политической теории классовой борьбы на организованном и тактическом уровне стало делом Ленина. Масштаб его достижений в этом плане навсегда перестроил все здание исторического материализма» [Андерсон 1991, 22].

Заметным явлением в отечественной литературе последних лет стала книга И.К. Пантина, известного специалиста по истории российского революционно-демократического движения. Ленин, подчеркивает И.К. Пантин, будучи именно продолжателем дела Маркса, а не учеником и последователем, «разрабатывает деятельностьную сторону марксистской теории общественного развития – то, что было намечено, не более того, Марксом в его знаменитых “Тезисах о Фейербахе”» [Пантин 2015, 213]. Здесь и возникает вопрос о том, как сегодня следует понимать отношения между материалистическим пониманием истории Маркса или Марксовой философией истории (у нас нет возможности обсуждать этот вопрос по существу) и политической теорией Ленина. В каком смысле можно говорить о современной значимости последней. Несмотря на весь сложный и противоречивый советский опыт, поражение социализма в России, надеюсь, временное, учение Маркса может быть правильно, аутентично понято и далее развито только при включении в его границы политической теории и, соответственно, всего богатого содержания ленинской политической теории и практики.

Необходимо иметь ясность в понимании того, что включает в себя ортодоксальный, классический марксизм. Как пишет китайский исследователь Ли Янь, «марксизм следует разделить на три части в соответствии с их различной степенью универсальности, а именно ценностная позиция, базовые принципы и стратегическая политика» [Li Jian 2015, 9]. Другими словами, он включает в себя философско-ценностную позицию, материалистическое понимание истории (философию истории) и политическую теорию. Классический марксизм предполагает существование политической теории, а, следовательно, требует признания у нее и функции стратегического целеполагания.

Проблема действительно в том, что у Маркса нет сколько-нибудь проработанной политической теории. В его работах есть только отдельные подходы и наброски к созданию этой теории. В эпоху классического марксизма еще не сложились условия для появления полноценной политической теории. Тут следует пояснить, что политическую теорию вряд ли можно свести к тому пониманию научного социализма, которое дает Энгельс в своей работе «Анти-Дюринг» в разделе *Социализм*. Можно сказать, что его научный социализм есть развернутая часть философской теории исторического развития общества применительно к переходу

от капитализма к социализму. Энгельс пишет о том, что совершить этот освобождающий мир подвиг, т.е. скачок человечества из царства необходимости в царство свободы – «таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия, а вместе с тем и самоё природу этого переворота и таким образом выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела – такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения [Маркс, Энгельс 20, 295].

С появлением социал-демократических партий, которые были ориентированы на ведение организованной политической борьбы, в повестку дня ставится вопрос о создании политической теории, которая могла бы успешно решать конкретные тактические вопросы ведения этой борьбы. Начинается эпоха постепенной «национализации марксизма», как однажды выразился А. Грамши.

В западной социал-демократии доминирующим становится ревизионизм Э. Бернштейна, который устраивает ревизию классического наследия Маркса и призывает отказаться от всего, что в нем уже устарело. В первую очередь, это отказ от революционной сущности классического марксизма. Идеи Э. Бернштейна о постепенном введении социализма, которое сводится к постепенному реформированию в социалистическом духе капиталистической собственности и капиталистического государства, лишают в стратегическом смысле рабочее движение его конечной цели. Превращение социальной реформы и развития демократии в самоцель на деле ведет не к осуществлению конечной цели, пишет Р. Люксембург, а скорее к противоположным целям. Р. Люксембург подчеркивала, что «политические и правовые отношения (капиталистического общества) воздвигают все более высокую стену между капиталистическим и социалистическим обществом... Только удар молота революции, т.е. захват политической власти пролетариатом, может разрушить эту стену» [Люксембург 1991, 41].

XX век показал всю справедливость опасений Р. Люксембург за судьбу германской и всей западной социал-демократии. Отказ от революционной сущности марксизма приводит к недооценке сначала теории исторического процесса, а затем и фундаментальных философских принципов классического марксизма, прежде всего, материалистической диалектики как революционной диалектики, которые можно теперь заменить принципами «этического социализма».

Выдающимся последователем учения К. Маркса в классическом, ортодоксальном смысле слова становится Г.В. Плеханов. В.И. Ленин пошел дальше, он решительно размежевался с ревизионизмом и приступил к выработке собственной версии политической теории марксизма (впрочем, называть ее марксистской политологией – неточно). При Ленине происходит «национализация марксизма» и появление русского марксизма в том смысле, что политическая теория марксизма создается с учетом всего исторического своеобразия российской действительности и российской истории.

Современные заявления некоторых авторов о том, что вклад Ленина в развитие учения Маркса в советское время был сильно переоценен, требуют соответствующих разъяснений. Ленин складывался и развивался, прежде всего, как политический мыслитель и политический деятель. Лишь иногда он имел время для занятий философией, и в этом отношении он показал себя как настоящий ученый, умеющий профессионально работать с философской литературой. Не вдаваясь в подробный анализ собственно философских работ Ленина, можно только сказать, что его понимание исключительной значимости диалектического метода для всего учения К. Маркса не должно быть оставлено без внимания.

Ленин – создатель революционной политической теории. Он неоднократно подчеркивал, что правильная революционная теория обретает окончательную форму только в тесной связи с практической деятельностью массового и подлинно революционного движения. Ленин организационно оформил революционную деятельность в стране, создав партию, нацеленную на завоевание политической власти. Он ставит вопрос о переводе материалистической теории истории Маркса на политический уровень как теоретическую проблему. На это впервые обратил внимание Г. Лукач, затем А. Грамши. Ранее упоминавшийся отечественный ученый И.К. Пантин подробно рассмотрел вклад Ленина в развитие деятельностной стороны марксистской теории общественного развития.

Согласно Ленину, нужно проводить различие между той объективной реальностью, которую раскрывает общесоциологическая по своей сути теория развития общества, и конкретной исторической реальностью. «Переход теории на деятельностный, т.е. политический, уровень связан и изменением отношения субъекта к объекту познания и ставит по-новому проблему объективного

понимания исторического процесса, определяемого борьбой разных классовых сил» [Пантин 2015, 216].

Задача политической теории – отразить своеобразие конкретной ситуации, которая весьма подвижна и которая непосредственно связана с постоянной духовно-практической деятельностью действующих в обществе общественно-политических сил. Главная особенность ленинской позиции состоит в том, что проблема тактики партии рассматривается в ней как серьезная теоретическая проблема. Силу и глубину ленинским работам этих лет придавала, несомненно, возраставшая революционная энергия народных масс, что свидетельствовало о неизбежности революционных потрясений в стране.

Политическая теория должна представлять теоретически осмысленное, отчасти интуитивно схваченное, реальное состояние конкретного общества в определенный момент времени, в данном случае, российского общества. Политическое мышление создает свою особую историческую реальность, которая не является простой калькой объективного состояния конкретного общества. Историческая реальность интерпретируется с точки зрения тех целей и задач, которые ставит перед собой политический субъект по практическому преобразованию находящегося перед ним предмета преобразований, т.е. властных структур правящего класса, а в перспективе речь идет о завоевании власти. Более того, «любой политический субъект... не отделяет себя от реальной действительности и не оценивает себя “со стороны”, а, напротив, воспринимает себя как часть, причем самую существенную, раскрывающегося перед ним социального бытия» [Пантин 2015, 224]. Он помещает себя внутрь структуры организаций, институтов и общественных отношений, его цель найти, обнаружить те структурные элементы, воздействие на которые позволит ему менять историческую реальность и, следовательно, само конкретное общество в нужном направлении. Осознание этой реальности на основе материалистической теории истории порождает конкретные шаги и действия, направленные на поиск путей выхода за рамки существующих социальных условий жизни. По мере решения одних конкретных задач и возникновения других формируются все более благоприятные условия для грядущей революции. Отсюда и постоянное возникновение альтернативных подходов при решении вопросов тактики.

С самого начала своей политической деятельности Ленин считал себя ортодоксальным марксистом. Однако своеобразие нараставших в стране революционных процессов постоянно показывало Ленину, что в материалистическом понимании истории, которое создал и совершенствовал Маркс, лишь только в поздний период его творчества стали затрагиваться некоторые особенности российского пореформенного развития. Известно, что историческое учение Маркса в целом было ориентировано на осмысление европейского пути развития общества как пути универсального. Постоянное внимание Маркса к вопросам российской истории, отсутствие у него однозначных решений говорит об уникальности неклассической ситуации, сложившейся в России (2). Ленину пришлось самостоятельно решать целый ряд сложных теоретических вопросов. Тем самым он вносил все новый и новый вклад в развитие теории исторического развития Маркса и это с неизбежностью приводило к постоянной перестройке всей философской картины современного ему этапа всемирной истории. Теперь оказывалось, что марксистская теория исторического развития есть не только теория истории, но и история теоретического осмысления развития общества, история теории.

Процессы постоянной перестройки теории оказываются адекватными ей при условии, если содержание и структура теории перестраиваются в соответствии с требованиями метода. Материалистическая диалектика и явилась здесь правильным, единственно верным методом. Конечно, при решении гносеологических задач бывает необходимо разъять метод и содержание. Но при этом есть большая опасность впадения как в чистый методологизм, как и наоборот, в чистый теоретизм. Диалектика имманентна теории, и сама теория является исторической по содержанию и вместе с тем диалектической по своей внутренней форме.

При всей своей непримиримой борьбе против ревизионизма Э. Бернштейна Ленин оставался на позициях ортодоксального, классического марксизма вплоть до 1915 г., когда он сделал вывод о возможности победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой стране и о невозможности одновременной победы социализма во всех странах. Это исключительно важное открытие Ленина выводит его за рамки классического марксизма. В явном виде этот вывод был сформулирован Лениным в 1915 г. в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы» и повторен в 1916 г. в статье «Военная программа пролетарской

революции». Суть его заключается в том, что «развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда заключение принципиальной важности: социализм не может победить одновременно *во всех* странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными» [Ленин 30, 133]. Правильность этого вывода вскоре показала Октябрьская революция, что вызвало кардинальные перемены в марксистском понимании не только современного Ленину этапа мировой истории, но и всей истории Нового времени.

Завоевание политической власти означает рубеж в развитии политической теории марксизма. Его развитие, в известной мере, становится односторонним, оно разбивается на два потока. Один из них – ленинская, большевистская интерпретация марксизма. Другой путь – марксизм в деятельности социал-демократии Запада, и здесь в нем тоже происходят разительные перемены. Прежде всего, начинается все более явное отдаление философии истории марксизма от политической практики. Появляется западный, или интеллектуальный марксизм, который все более деполитизируется. «В итоге этого развития и появляется франкфуртский «марксизм без пролетариата» [Дмитриев 2004, 485]. Новый интерес к формированию и особенностям философских взглядов Маркса возникает в нем после опубликования полностью на языке оригинала в 1932 г. его «Экономическо-философских рукописей 1844 года» (на русском языке они были частично опубликованы в 1927 г.) и «Немецкой идеологии» (на языке оригинала в 1926 г., а на русском языке в 1932 г.). Интерес к этим текстам и отход от политической борьбы сторонников интеллектуального марксизма привел к увеличению их контактов с буржуазной культурой и немарксистской философией, что имело для марксизма весьма неоднозначные последствия, в том числе и появление «культурного марксизма».

Но был и значимый пример сохранения единства марксистской теории и практики. Его продемонстрировали Грамши, Тольятти и другие деятели компартии Италии в 20–30-е гг. XX в., чьи работы отличались высоким уровнем разработки политической теории, к сожалению, оставшимся нереализованным. Идеи Грамши впоследствии были использованы при создании теории еврокоммунизма как обобщения в рамках политической теории

изменившихся условий классовой борьбы в развитых капиталистических странах. Это был не третий путь, не отступление на социал-демократические позиции или отрицание тех исторических причин, которые привели к рождению коммунистических партий. Это было выражением стремления политической теории отразить политические реалии западноевропейского континента. Один из теоретиков еврокоммунизма испанский коммунист С. Карильо так выразил основную его идею: «Главным противоречием выступает противоречие между государством и подавляющей частью общества. Необходимо завоевать государственный аппарат власти изнутри. Демократическая трансформация – это путь структурных реформ – шаг за шагом – без насильственной деструкции аппарата власти» [Carrillo 1977, 9].

Таким был последний шаг в развитии политической теории марксизма на Западе, поиск самостоятельного подхода к решению проблемы овладения политической властью. Трагическая судьба еврокоммунизма весьма показательна. Вместе с ним были утрачены и политические позиции коммунистов в западном обществе, и политический марксизм как таковой.

В послевоенное время западная социал-демократия окончательно отказалась от марксизма. Ни она, ни академический марксизм в своем обособленном существовании не дали больших позитивных практических результатов. Они не приблизили силы социализма, как теперь можно сказать, к власти. В марксоведческой литературе последних десятилетий часто подчеркивается, каких высот в изучении взглядов самого Маркса достиг западный (интеллектуальный) марксизм к концу XX в. Это правда, но правда и то, что политическая теория марксизма на Западе практически не существует. Социал-демократия фактически сняла с повестки дня вопросы социалистической трансформации капитализма. У нее осталась только реальная политика, главная цель которой – создание эффективной экономики (естественно, капиталистической).

В Советском Союзе происходили другие процессы. Уже после окончания Гражданской войны Ленин приходит к выводу, что теперь нужны реформистские, а не революционные методы решения возникших задач, о которых практически ничего не было сказано в классическом марксизме. По этой причине развитие политической теории Лениным в послеоктябрьский период представляет известную сложность для анализа, поскольку перед умственным взором Ленина оказывается совершенно новая

историческая реальность. Ленин вынужден признать «коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» [Ленин 45, 373]. И в этой связи у него рождается идея некапиталистического пути развития страны, которая в современной марксистской литературе по истории русской революции до сих получает неоднозначные истолкования.

Идея нэпа заставляет Ленина задуматься об опасностях, которые подстерегают страну на пути ее реализации. Ленин пишет об опасности перерождения Советской власти в результате бесконтрольного роста мелкобуржуазной стихии в стране. Он неоднократно обращается к опыту Великой Французской революции. Так, в плане известной брошюры «О продовольственном налоге» Ленин ставит вопрос: «“Стихия” c'est le mot... 1794 versus 1921» [Ленин 43, 385]. Перерождение советского строя означало бы осуществление классической буржуазной и вместе с тем антисоциалистической контрреволюции. Тем самым она привела бы к превращению Советского государства в либеральное (буржуазно-демократическое) государство.

Упреждая такое перерождение, В.И. Ленин пишет о том, что основная, решающая задача нэпа – это установление смычки между строительством новой, социалистической экономики и крестьянским хозяйством. Только отступив, мы сможем «сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами» [Ленин 45, 78]. Несмотря на проводившуюся в течение ряда лет политику нэпа, Россия так и не стала той самой нэповской Россией, из которой, по мысли Ленина, должна была вырасти Россия социалистическая. И при жизни Ленина, и после его ухода из жизни в стране складывается и длительное время существует ситуация альтернативного выбора пути дальнейшего исторического развития России, которая и сегодня остается предметом острейших дискуссий. Суть этих дискуссий состоит в том, выбор какого пути можно было считать тогда оптимальным, и какой выбор был сделан на самом деле.

Тогдашнее состояние материалистической теории истории Маркса не давало и не могло дать однозначного ответа на кардинальный вопрос о том, как дальше должны действовать партия и пролетариат. Это был важный и ответственный момент в жизни советского государства. Дискуссии в партии и в обществе про-

должались несколько лет, в центре внимания партии и всего общества находились альтернативные проекты Троцкого, Сталина, Бухарина, каждый из них апеллировал к своему видению исторической ситуации.

Сталин считал перерождение партии и советской власти самой главной опасностью, которая, как он полагал, носила все более угрожающий характер. И он принял самый бескомпромиссный вариант. Он разгромил позицию Троцкого, выступавшего за мировую социалистическую революцию. Сталин отверг вариант Бухарина с его идеей вращивания кулака в социализм. Отталкиваясь от идеи Ленина о возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране, Сталин выдвигает мобилизационную модель строительства нового общества. Он обосновывает ее и с точки зрения мировой обстановки, и с точки зрения угрозы термидора, термидорианского переворота – перерождения власти под напором успехов капиталистического уклада в экономике, громадного роста класса мелкой буржуазии, его стремления добиваться политической власти. В условиях стабилизации капитализма, глубокого спада революционной активности в странах Западной Европы, растущей их агрессивности в отношении Советского Союза, путь медленного и постепенного движения к социализму по нэповскому пути обернулся бы скорым и неизбежным падением советской власти.

История, таким образом, не предоставила стране возможности, о которой говорил Ленин, медленно и всем вместе двигаться к социализму, можно сказать, по пути «народного согласия». Скорее всего, это означало невозможность реализации по тем условиям теоретически абсолютно верного вывода Ленина о нэпе.

Мобилизационная модель развития советского общества несет в себе другую модель социализма – административную. Это модель раннего социализма для незападных стран. Создается и становится все более действенной идеология мобилизации, сочетающая в себе опору как на массовый энтузиазм народа, так и на принуждение. Сталин своими действиями осуществляет ревизию, пересмотр механизмов связи политической теории с партией и обществом. Поскольку принят мобилизационный план, дискуссии становятся излишними. Политические теоретики, которые полемизировали сначала с Лениным, а затем со Сталиным уходят с исторической арены. На их место приходят технократы, люди, способные решать практические задачи мобилизационного характера. А политическая теория лишается своего главного

преимущества – постоянного и открытого обсуждения в партийных рядах, в научном сообществе, в народе. На первое место в обществе выходит идеология, а политическая теория становится инструментом решения идеологических задач, которые вытекали из самого смысла мобилизационной модели строительства социализма. Сталин становится заложником этой модели развития страны, и вынужден идти по этому пути до конца.

Драма и трагедия мобилизационного типа развития состоит не в том, что многие реальные проблемы были отодвинуты в сторону, а в том, что рано или поздно мобилизационная модель исчерпывает себя, при этом понимание того, как выходить из этой модели просто отсутствует.

Среди тех проблем, которые оказались отодвинутыми далеко в сторону и которые после окончания мобилизационного периода нужно было заново ставить и решать, важнейшими являлись отношение к исторической традиции и, более широко, к историческим основам российской государственности, а также к главным механизмам капиталистической экономики – к рынку и частной собственности.

Мобилизационный тип развития означал решительный разрыв с Традицией, которая вообще всегда очень медленно трансформируется и приспособляется к новым политическим и историческим реалиям. В условиях мобилизации Традиция становится явным, очевидным препятствием. Отрыв от Традиции был исторически неизбежен с тем, чтобы потом ее переосмыслить и использовать как историческую основу и фундамент для нового общественного строя. Начиная с середины 30-х гг., Сталин исправил некоторые допущенные им ошибки, например, он пересмотрел негативное отношение партии к истории Российского государства, но этого было явно недостаточно. В вопросе о капитализме Сталин занимал более жесткую позицию. Все, что он допускал при социализме, это товарное производство без капиталистов, радиус действия которого ограничен предметами личного потребления и которое, очевидно, никак не может развиваться в капиталистическое производство [Сталин 1997, 16].

Новые поколения руководителей страны, сменявшие друг друга после Сталина, так и не смогли определиться с тем, как относиться к Традиции, к использованию экономических средств и методов капитализма в развитии индустриального производства. После выхода страны из мобилизационной модели развития идеология

делает все, чтобы не допустить первенства над ней политической теории, а стало быть и философского, теоретического осмысления пройденного страной пути, выработки перспективного видения будущего в новых исторических условиях второй половины XX в.

Положение о том, что необходимо различать реальные смыслы политической практики и текстов партийных документов, цитат из выступлений руководителей страны, в которых излагаются конкретные цели, даются оценки проделанной работы имеет исключительно важное значение. Суть вопроса состоит в том, кто определял тогда реальный смысл политической практики. Хочется сказать, что это должны делать вместе как профессиональные ученые-марксисты, так и политические руководители, которые отвечают за состояние политической практики, особенно когда они сами приходят к пониманию того, что реальная историческая действительность и их публичные заверения далеко не совпадают.

После смерти Сталина в обществе не было сколько-нибудь значимых научных дискуссий о том, как нужно стране развиваться дальше. Во всей партийной структуре не нашлось места теоретическому центру, зато постоянно разрастался мощный идеологический отдел, а уже с середины 50-х гг. началась борьба с инакомыслием на уровне органов государственной безопасности. И когда руководители страны делали робкие попытки пробиться через идеологическую оболочку к реальному смыслу процессов, происходивших в обществе, тогда обнаруживались удивительные вещи. Говоря словами Ю.В. Андропова, «мы еще до сих пор не изучили в должной мере общества, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным методом проб и ошибок» [Андропов 1983]. Появление в Советском Союзе научного коммунизма как учебной дисциплины в начале 60-х гг. и политологии в начале 70-х не несло с собой серьезного намека на возможное возрождение политической теории применительно к этапу социалистического строительства того времени.

В конце 80-х г. XX в. в Советском Союзе сложилась ситуация альтернативности исторического процесса, когда возникла необходимость выбора пути дальнейшего развития страны на долгие десятилетия. Но возрождения политической теории в том виде, как ее понимал и развивал Ленин, не произошло. Теперь можно сказать, что самая общая причина бесславного конца Советского

Союза и социализма состоит в том, что политическая теория не просто оказалась в подчиненном положении по отношению к господствующей в стране единой и единственной идеологии, она испытала в итоге и глубокое внутреннее перерождение.

Трагическое поражение социализма в Советском Союзе показало, к каким тяжелым последствиям ведет недооценка ленинской трактовки политической теории. Помимо неправильно выстроенных отношений этой теории с идеологией необходимо также сказать и о незнании и неумении практически применять диалектический метод. Справедливы и сегодня слова Ленина о том, что «нельзя вполне понять „Капитала“ Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!» [Ленин 29, 162]. Упрек, который бросает Ленин своим современникам-марксистам, вполне обоснован. Но жизнь показывает, что политический деятель может оставаться таковым, если он постоянно вовлечен во все сложности и тонкости повседневной политической борьбы. Академическое штудирование сложной философской литературы и политическая деятельность, по большому счету, наверное, просто несовместимы, и это становится настоящей драмой, а иногда и трагедией политиков с марксистским складом мыслей. Поэтому игнорирование и недооценка места и роли в обществе философского, социально-научного знания, превращение их инструменты идеологического воздействия на общество с неизбежностью ведут к трагическим последствиям.

Впрочем, справедливости ради скажем, что Сталин и Мао Цзедун в практическом плане и при всех их ошибках, нередко весьма серьезных, продвинули дело социализма гораздо дальше, чем те, кто занимался исключительно интеллектуальным марксизмом. На исторической арене длительное время существовала мировая система социализма, в которой происходил сложный и неоднозначный по своим последствиям, но реальный процесс социалистического преобразования старого мира.

Значительным явлением последних десятилетий является вклад в дело развития политической теории марксизма китайских политиков-марксистов – последователей Мао Цзедунa, прежде всего, Дэн Сяопина, Си Цзиньпина, других руководителей современного китайского государства. В Китае имеет место позитивная «национализация марксизма», если иметь в виду под этим национализацию политической теории марксизма. Ее развитие на-

ходится в тесной связи с решением практических задач, с тактикой строительства социализма с китайской спецификой [Шевченко 2015]. И только сегодня в ходе анализа причин стремительного рывка, который сделал Китай в последние десятилетия, начиная с реформ Дэн Сяопина, начинает проясняться весь подлинный смысл тех проблем, с которыми пыталась справиться, но так и не справилась партийно-государственная власть в нашей стране, что и послужило, как было сказано выше, главной причиной гибели советского социализма и Советского Союза.

Но за пределами Китая и ряда стран, продолжающих дело строительства социализма с национальной спецификой, картина не является радостной. Современный словенский постмарксист С. Жижек, много пишет о том, что делать с массовой манипуляцией сознанием людей, как избавить людей от духа капитализма, который проник в сознание многих миллионов из них и оказывает негативное воздействие на их политические взгляды и представления. Революция начинается с революции духа, революции в сфере сознания, но сколько-нибудь заметные ее проявления обнаруживаются с большим трудом. Но это не единственная причина отсутствия сегодня в капиталистическом мире значимых по своей деятельности политических субъектов.

С. Жижек пишет о том, что, согласно Ленину, «в конкретной ситуации ее универсальная истина может быть четко артикулирована только с точки зрения ее участника – истина по определению является односторонней... Ленин не просто “адекватно транслировал марксистскую теорию в политическую практику”, он скорее “форматизовал” Маркса посредством определения Партии как политической формы ее исторического вмешательства, точно так же как святой Павел “форматизовал” Христа, а Лакан – Фрейда» [Жижек 2003, 31, 51]. Но повторить Ленина – это не значит вернуться к Ленину, резюмирует С. Жижек. Это прежде всего вопрос о том, каким может быть сегодня, в XXI веке субъект политической теории и политического действия; и этот вопрос остается открытым.

Не исключено, что на современном этапе мировой истории попытки радикальной трансформации капиталистических структур «сверху» с помощью иерархически организованных политических структур сегодня будут оказываться неэффективными. Они превентивно блокируются властью, обладающей неограниченными финансовыми, информационными и нередко силовыми возмож-

ностями. Но есть другой путь – путь растущей самоорганизации граждан во всех сферах общественной жизни – культурной, политической, экономической, молодежной и т.д., противостоящей всемогуществу капитала, своей деятельностью постепенно вытесняющей его и создающей снизу новую «параллельную реальность» внутри буржуазного общества и рядом с ним. С таким «микрореволюционным» движением в порах общества бороться во много раз сложнее. Одним словом, историческое развитие приобретает все более сложный и неоднозначный характер. Поэтому вопрос о том, окажутся ли способными философы-марксисты в этой ситуации найти пути реализации 11-го тезиса Маркса о Фейербахе и какими могут оказаться эти пути, остается открытым.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Позже Ф. Энгельс, вспоминая это высказывание Маркса, заметит: «И весьма вероятно, что об этих господах он сказал бы то же, что Гейне говорил о своих подражателях: «Я сеял драконов, а пожал блох».

(2) Не потеряла своей актуальности давняя статья историка М.А. Гефтера «Россия и Маркс» [Гефтер 1991]. См. также: [Гефтер 2015].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТУРАТУРА

Андерсон 1991 – *Андерсон П.* Размышления о западном марксизме. – М., 1991.

Андропов 1983 – *Андропов Ю.В.* Материалы Пленума ЦК КПСС, 15 июня 1983 г. – М., 1983.

Гефтер 1991 – *Гефтер М.Я.* Россия и Маркс // *Гефтер М.Я.* Из тех и этих лет. – М., 1991.

Гефтер 2015 – *Гефтер М.Я.* Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством / сост. Г. Павловского. – М.: Европа, 2015.

Дмитриев 2004 – *Дмитриев А.Н.* Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя франкфуртская школа (1920–1930 гг.). – СПб.; М., 2004.

Жижек 2003 – *Жижек С.* 13 опытов о Ленине. – М.: Ад Маргинем, 2003.

Ленин 29 – *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29.

Ленин 30 – *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30.

Ленин 43 – *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43.

Ленин 45 – *Ленин В.И.* Политический отчет Центрального Комитета РКП (б) 27 марта // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45.

Люксембург 1991 – *Люксембург Р.* О социализме и русской революции. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1991.

Маркс, Энгельс 20 – *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2 изд. Т. 20.

- Маркс, Энгельс 37 – *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 37.
- Межуев 2007 – *Межуев В.М.* Маркс против марксизма. Очерки на непопулярную тему. – М., 2007.
- Пантин 2015 – *Пантин И.К.* Русская революция. Идея, идеология, политическая практика. – М.: Летний сад, 2015.
- Рокмор 2011 – *Рокмор Т.* Маркс после марксизма. Философия Карла Маркса. – М.: Канон+, Реабилитация, 2011.
- Рюбель 2006 – *Рюбель М.* Маркс против марксизма. – М.: Праксис, 2006.
- Сталин 1997 – *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. – М.: Писатель, 1997.
- Шевченко 2015 – *Шевченко В.Н.* Социализм с китайской спецификой // Свободная мысль. 2015. № 6.
- Carrillo 1977 – *Carrillo S.* “Eurocommunism” and the State. – L., 1977.
- Li Jian 2015 – *Li Jian.* On the limits of the Sinicization of Marxism // World Congress on Marxism 2015. Marxism and the Development of the Human Race. October 10th-11th, 2015. Beijing.

MARX AND MARXISM: A VIEW FROM THE 21ST CENTURY

V.N. SHEVCHENKO

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Summary

The paper looks at the issue of the relationship between Marx and Marxism and discusses three approaches to the issue, widely used in contemporary Marxist literature and among marxologists. The author examines in detail the principal novelty of concepts of Lenin speaking of the need to translate Marx’s materialistic theory of history to the political level as a theoretical issue. The author also notes the contribution of the Chinese leaders into further development of the political theory of Marxism closely connected with the issues of strategy and tactics of building socialism with Chinese characteristics. In conclusion, the paper states that world history now becomes increasingly complex and mixed, and therefore, the question of whether Marxist philosophers in this situation will be able to find ways of realization of the 11th thesis of Marx on Feuerbach remains open.

Keywords: classical (orthodox) Marxism, revisionism, social democracy, intellectual Marxism, political theory, socialism, capitalism, socialism with Chinese characteristics.

Shevchenko, Vladimir – Honoured Scholar of the Russian Federation, D.Sc. in Philosophy, Main Research Fellow at the Department of

Philosophical Problems of Policy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Citation: SHEVCHENKO V.N. (2018) Marx and Marxism: a View from the 21st Century. In: *Philosophical Sciences*. 2018. Vol. 1, pp. 7-26. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-1-7-26.

REFERENCES

- Carrillo S. (1977) *«Eurocommunism» and the State*. London.
- Li Jian. (2015) On the Limits of the Sinicization of Marxism. In: The World Congress on Marxism 2015. Marxism and the Development of the Human Race. October 10th-11th, 2015. Beijing.
- Mezhuev V.M. (2007) Marx against Marxism. Essays on an Unpopular Topic. Kulturnaya Revolutsiya, Moscow (in Russian).
- Pantin I.K. (2015) *The Russian Revolution. Idea, Ideology, Political Practice*. Letniy Sad, Moscow (in Russian).
- Rockmore T. (2002) *Marx after Marxism. The Philosophy of Karl Marx* (Russian Translation: Kanon+, Moscow, 2011).
- Rubel M. (1974) Marx critique du marxisme (Russian Translation: Praxis, Moscow, 2006).
- Shevchenko V.N. (2015) Socialism with Chinese Characteristics. In: *Svobodnaya Mysl*. 2015. Vol. 6, pp. 165-178 (in Russian).
- Žižek S. (2002) *13 essays on Lenin* (Russian Translation: Ad Marginem, Moscow, 2003).